

АСЯ ЛАВРИНОВИЧ

САМАЯ БЕЛАЯ НОЧЬ

LIKE
BOOK

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л113

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© Elena Barenbaum / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Художественное оформление *А. Андреева*

Иллюстрация на переплете *Е. Баренбаум*

Лавринович, Ася.

Л113 Самая белая ночь / Ася Лавринович. — Москва : Эксмо, 2023. — 224 с.

ISBN 978-5-04-187042-3

Яркая и взбалмошная Варя Мечетина считает свою студенческую жизнь идеальной: вечеринки, друзья, квартира в самом центре Питера. До тех пор, пока перед ней не встает сложный выбор. Еще и парень из дома напротив, которого Варя отчаянно ненавидит, добавляет проблем.

Холодная и строптивая Агния Леманн бежит в другой город за своей мечтой — стать художницей. Она не подозревает, что прошлое уже следует за ней по пятам.

Судьба сводит девушек вместе, и они становятся соседками по квартире. Привыкнет ли Агния к переменам и обретет ли то, чего ей всегда не хватало: друзей, семью и настоящую любовь?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-187042-3

© Ася Лавринович, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава первая

Агния

Отец метался из стороны в сторону, как разъяренный тигр в клетке. Время от времени останавливался, о чем-то думал, а потом жалобно смотрел на меня. Я сидела на подоконнике и молчала. За те несколько недель, что живу у него, я уже привыкла к этому мученическому выражению лица. Папа вечно чувствует свою вину. Извиняться по несколько раз в день — это в его репертуаре. Сначала я немного терялась: не привыкла, чтобы кто-то из моей семьи признавал свои ошибки, и уж тем более просил прощения. Потом смирилась. Теперь же меня это вечное отцовское «прости» начинало немного раздражать.

— Пап, все нормально, — сказала я, — правда. Я не в обиде.

Но отцу, как я уже успела убедиться, главное — говорить, а не слушать. Вот и сейчас он проигнорировал мою реплику и страдальчески продолжил:

— Агния, пойми! Никто не против того, чтобы ты еще немного пожила у нас. Ни я, ни Татьяна... Татьяна вообще так прониклась. Говорит, какая же славная девочка твоя Агния!

Я усмехнулась. Не внушала мне эта Татьяна, папина вторая жена, никакого доверия. Конечно, у меня и с отчимом были натянутые отношения, но он хотя бы никого из себя не строил, а был таким, какой есть: понятным — агрессивным, прямым и не особо любящим. Если мы с ним и конфликтовали, то в открытую. Татьяна же казалась фальшивой и неискренней. Часто

не к месту лебезила, пыталась угодить, хотя в ее глазах я видела холодный огонек и знала, что Татьяне не особо приятно присутствие в ее квартире взрослой дочери от первого брака мужа. Нет, она никогда не делала мне замечания и ни о чем не просила, но я постоянно жила с ощущением, будто что-то должна. Может, конечно, дело во мне. И судьба у меня такая — конфликтовать со вторыми половинками своих родителей.

— Да и Алик тебя полюбил, — добавил отец.

Тут уж мне захотелось расхохотаться в голос. Четырнадцатилетний Альберт — мой единокровный брат, совершенно точно не пылал ко мне любовью, только в отличие от своей матери не стеснялся мне это всячески демонстрировать. В первый же вечер заявил, что им в семье не нужен «лишний рот». А когда я ответила, что у меня есть сбережения и в мои планы не входит их объедать, лишь неприятно усмехнулся. Алик был мерзким, избалованным подростком, который не знал ни в чем отказа. Татьяна едва ли не с ложечки его до сих пор кормила, из кожи вон лезла, чтобы сыночек ни в чем не нуждался. Отец тоже всячески поощрял наглое поведение сына. Алик откровенно грубил родителям и наверняка прогуливал школу. Не верилось мне, что он был таким примерным учеником, как расписывала Татьяна. Но по ее словам, Алик — умница-благоразумница, получивший какой-то важный школьный грант, благодаря которому теперь имеет приоритет при поступлении в вуз, хотя и учится только в восьмом классе.

«Не придется тратить на учебу, не отваливать, как другие родители, кругленькие суммы на беспечных и глупеньких детей», — с широкой улыбкой сказала тогда Татьяна.

Улыбка в тот момент у нее была неестественная, натянутая. И про «беспечных глупеньких детей» — это, скорее всего, камень в мой огород, ведь мне учебу на экономфаке престижного университета нашего города оплатил отчим.

Татьяна периодически колола меня исподтишка, прикрываясь благими намерениями. Например, говорила, что мне неплохо было бы немного поправиться, у меня слишком худые ноги, да и скулы некрасиво торчат. Вечно давала непрошенные советы, которые обычно начинались с фразы: «Ты, конечно,

очень красивая девочка, но...» И куча этих ненавистных «но». Как-то завела разговор, что для своего цвета волос я очень бледненькая. Мне бы отрастить немного волосы и покрасить их в теплый шоколадный оттенок — вот тогда бы было хорошо.

Поначалу меня эти советы обескураживали, и я преимущественно отмалчивалась. Но, поняв, для чего Татьяна все это говорит, стала отстаивать свои границы и сразу же прерывала ее глупые нотации. Татьяна натянуто улыбалась... А после разговора по поводу новой прически я нарочно сходила в салон в тот же вечер и, укоротив любимое каре, сделала светлый оттенок волос еще холоднее. Татьяна, разумеется, заметив мой демонстративный поход к стилисту, только поджала губы. Обиженно молчала весь вечер, а на следующее утро как ни в чем не бывало снова нарочито приветливо сюсюкала.

Чаще всего мне было неудобно в этой квартире среди незнакомых людей. Отец тоже казался далеким и чужим — все-таки он уехал в Питер, когда я была совсем маленькой, и все эти годы мы практически не общались. А еще иногда мне казалось, что Татьяна не ограничивается одними словами, а плюет, например, в мой чай, пока я не вижу, или что-нибудь вроде этого. Такой человек точно способен на низкие, подлые поступки...

Наконец отец перестал метаться и остановился посреди комнаты.

— Я все-таки позвоню Сашке... Александру Филипповичу, — сказал он сам себе. На меня даже не смотрел. А потом кивнул и обратился уже ко мне: — Александр Филиппович! Ты же помнишь, Агния, я тебе о нем рассказывал? Бывший одноклассник. Фантастический врач. Он моего тестя с того света несколько лет назад вытащил...

— Звони кому хочешь, — буркнула я. Папина гиперактивность сводила с ума. Может, поэтому они с мамой и расстались? Мне даже стало немного жаль Татьяну и Алика. А впрочем, они достойны друг друга. Дурдом, а не семейка.

— Не обижайся, — снова завелся папа, — знаю, ты не так представляла себе свой переезд. Но Александр Филиппович обязательно нам поможет. Мы в апреле в Турции вместе отдохнули, и был у нас один интересный разговор...

Я пожала плечами и уставилась в окно. Отец взял трубку и направился в соседнюю комнату, прикрыв за собой дверь. Но я все равно слышала его громкий голос. Отец кричал так, будто этому неведомому мне Александру Филипповичу было сто лет в обед и он жаловался на слух. Хотя на том конце провода был папин бывший одноклассник — вполне себе нестарый мужчина. Это просто у папы привычка такая — орать в трубку.

— Сашка? Привет! Привет, дорогой мой! Не слишком поздно звоню? Это Даниил, узнал? Да, да-да, давно не виделись...

Над серыми высотками плыли закатные облака. Весь май в городе лили дожди и дул холодный ветер с Финского, а теперь погода неожиданно стала совсем летней. Косые вечерние лучи приятно слепили... И все-таки папа прав: не таким я представляла свой переезд в Петербург. За окном — типичный спальник с зеленым двором и припыленными тополями. Окна большой комнаты, в которую меня определили, выходили на проспект, и по ночам я слышала, как гремит последний трамвай. Но это лучше, чем спальня отца и Татьяны или комната Алика с окнами во двор. Как только стало тепло, на лавках прописались местные алкаши, устраивающие по ночам разборки. Алик постоянно на них жаловался, а я злорадствовала.

Комната, в которой я жила, мне не особо нравилась: с бежевым ковром под ногами, белыми безжизненными стенами и одинокой плазмой. Спала я на неудобном кожаном диване, который почему-то напоминал мне офисный. Вообще атмосфера здесь была отнюдь не домашней и уютной. Будто меня поселили в холл рядом со стойкой ресепшена. Дом моей мамы был обставлен куда с большим вкусом. Даже не думала, что, сбежав, буду с тоской вспоминать свою комнату... Здесь мне хотелось украсить стены картинами или хотя бы постерами, чтобы добавить немного уюта.

Единственное, что нравилось в этой обстановке, — люстра: большая, хрустальная и, кажется, антикварная. Татьяна как-то заикнулась о том, что люстра когда-то принадлежала ее бабушке, которая была балериной и танцевала в Мариинке. Вещи с историей внушали трепет. Эта люстра красиво переливалась

по утрам — маленькие радуги плясали по «больничным» белым стенам. В ясную погоду меня будили солнечные зайчики, от которых я, едва открыв глаза, счастливо жмурилась. И таким утром мне казалось, что день обязательно будет радостным.

Сейчас эта люстра не выглядела нарядной, как на рассвете, — она просто тускло светила желтыми лампочками. Конечно, такие вещи довольно странно смотрятся в типичной обстановке...

Отец продолжал телефонный разговор:

— Да-да, Агния. Моя дочь. Ты помнишь, как она каталась на коньках? С ума сойти! Нет, Агния давно ушла из спорта. Травма...

Я поморщилась, словно от горького лекарства, и прижалась лбом к холодному стеклу. Воспоминание об аварии, которая произошла со мной в детстве и лишила навсегда спортивной мечты, будет преследовать меня всю жизнь. Острой занозой жить в сердце и время от времени неприятно саднить.

— Ага. Приехала ко мне пару недель назад. Да, остановилась пока у нас. Переводится с экономического в Академию художеств. Да. Да. Представляешь? Талантливый человек талантлив во всем.

Эту фразу отец произнес с нескрываемой гордостью, а ведь до недавнего времени понятия не имел, что я пишу картины. И в детстве не особо интересовался моими спортивными достижениями. С тех пор как родители развелись, мы с отцом мало общались.

Папа рассмеялся:

— Думаешь, от меня?

Любовь к живописи мне привила мамина подруга и, пожалуй, мой самый близкий человек — Надя. А единственное, что я могла унаследовать от отца, — это безразличие.

— Саша, а ты помнишь наш разговор в Турции? Ну по поводу квартиры... Твоя дочь так и не нашла соседку? Да, Агния в этом плане — идеальная девочка. Очень чистоплотная, аккуратная...

Отец начал говорить фразами Татьяны, которые раздражали меня до зубовного скрежета.

— Что ты, деньги вообще не проблема. Да. Точно! — Отец снова громко рассмеялся.

Над крышами многоэтажек показалась выпуклая луна. Через приоткрытую форточку донесся звон трамвая.

— Почему больше не может жить у нас? — переспросил отец. А затем понизил голос. Только так, что я могла слышать каждое слово. От этого хотелось удариться лбом об оконное стекло. — Мы с Татьяной решили, что Агния уже взрослая, самостоятельная девушка. Ну что она с нами живет? Стар да млад. Скучно ей, наверное, до смерти.

Отец снова рассмеялся, только уже не так естественно, как в первый раз. «Мы с Татьяной решили». Что-то мне подсказывало, что в этом доме решает одна Татьяна.

— Да-да, ты прав. А как быстро растут! Моргнуть не успеем, уже и Алик покинет отчий дом...

Я решила, что с такой материнской привязанностью Алик покинет отчий дом не очень скоро. Татьяна его опекала, будто он был грудным несамостоятельным ребенком, а Алик уже пользовался бритвой, и голос у него ломался.

— Значит, договорились? — спросил отец уже в полный голос. — Спасибо, Сашка, ты настоящий друг. Конечно! — И снова натянутый хриловатый смех. — Скинешь адрес эс-эмэской? Спасибо, дорогой! Спасибо! Да, и тебе! Жене горячий привет! Всех обнимаю!

Отец прощался с беднягой Александром Филипповичем целую вечность. Когда снова зашел в комнату, я по-прежнему сидела на подоконнике, обхватив колени руками. В сторону папы не смотрела.

— Прости, Агния, — снова виновато начал отец, — но так будет лучше для всех нас. Ну чего тебе с двумя стариками жить?..

От нытья отца мне самой хотелось поскорее съехать хоть на край света. Зря я вообще остановилась у него. Наивная дура! Думала, мы сможем наладить отношения, но за все время, что я прожила здесь, мы даже толком ни разу не поговорили.

— У меня есть адрес Сашкиной дочери. Ее зовут Варя. Она живет в центре и давно ищет соседку. Ты с ней созвонись, и вы обо всем договоритесь. Сашка ее предупредит. Только не тяни, Агния. Варя будет ждать твоего звонка...

Первый шок накрыл уже в парадной. Я надолго зависла перед широкой лестницей, разглядывая красивую лепнину на стене, позолоту и кружевные перила. Особенно меня впечатлили барельефы с прекрасными нимфами, подпирающими потолок. Выглядели эти нимфы очень печально и обреченно, будто их заставляли заниматься этим тяжелым неженским делом почти полтора столетия. Стены явно недавно были выкрашены небесно-голубой краской. Даже запах до сих пор не выветрился. На подоконниках с витражными окнами стояло кашпо с цветами.

Откуда-то сверху раздавалась мелодичная музыка. Кто-то громко, задорно и весело играл на фортепиано. Желтые полосы света растянулись на ступенях. До этого я такие красивые парадные только на картинках видела. Неужели теперь буду здесь жить? Тут же вспомнила подъезд папиного дома с окурками в углах и заваренным мусоропроводом. Да, может, это даже хорошо, что Татьяна и отец «решили», что я уже взрослая, и отселили меня. Осталось разобраться с хозяйкой квартиры — таинственной Варей. Дружбу с девочками у меня водить никогда не получалось. Зимой мне очень хотелось сблизиться с одной девушкой — второкурсницей Вероникой, моим репетитором. Но у нее уже была верная боевая подруга Юлька, поэтому я чувствовала себя рядом с ними пятым колесом. Да и вообще, там такая история получилась... Некрасивая, но очень поучительная, последствия которой я до сих пор расхлебываю¹. Надеюсь, мы не будем конфликтовать с Варей — и на том спасибо. Уж держать нейтралитет мне ума хватит.

Минувя сразу пару ступеней и нарочно наступая на солнечные полосы, я поднялась на самый верхний этаж. Пока разглядывала деревянные широкие двери с номерами квартир, заметила на стене нарисованное синей ручкой созвездие. Я не сильна в астрономии, но, кажется, это Большая Мед-

¹ Подробнее об этом можно прочесть в книге «Любовь не по сценарию».

ведица. Обидно. В парадной только сделали ремонт, и уже какой-то хулиган успел отметить. Хотя рисунок меня этот даже немного умилил. В парадной отца на нашем этаже тоже были надписи, правда, не такие... Сплошные обзывательства и строчки из песен Моргенштерна.

Я замерла у двери и прислушалась. Фортепиано теперь звучало этажом ниже, а так тихо. Интересно, эта Варя хотя бы дома? Может, она необязательная — назначила встречу, а сама свинтила. Я нажала на кнопку звонка. Тут же раздалась веселая трель, а за дверью послышался громкий лай. Я поморщилась. Нет, у меня не было аллергии на шерсть и каких-то предубеждений против собак, но если этот питомец будет заливаться так днем и ночью, придется мне искать себе другую соседку.

Дверь приоткрылась, и тут же под ноги бросился белый пес. Небольшого размера, с забавной бородой. Он принялся обнюхивать мои туфли и щекотать голые щиколотки.

— Харви! Харви, фу! — послышался звонкий женский голос. Вскоре показалась и сама Варя. Точнее, ее голова — белокурая, с вихрем кудряшек. — Харви! Фу! Вот несносный!

Варя выскочила на площадку и резко наклонилась за своим питомцем. Ее мягкие легкие кудряшки взметнулись вверх. Вот она взяла пса на руки, словно ребенка, выпрямилась и сдула с лица упавшую прядь волос. Немного бесцеремонно осмотрела меня с ног до головы и улыбнулась:

— Ты Агния, да? Приветик!

— Здравствуй, — сдержанно отозвалась я, осматривая ее в ответ. Сильно старалась не пялиться, хотя, конечно, было любопытно. Зеленые глаза, милая родинка на щеке, аккуратный нос и пухлые губы. Варя оказалась очень даже хорошенькой.

Одета она была в легкий светлый сарафанчик. На ногах — тапки в виде лица Гомера Симпсона. Огромные и уродливые, которые портили весь вид. Я бы такие сроду не надела.

— Какая ты красивая! — вполне искренне ахнула Варя.

Я от неожиданности растерялась. Нет, комплименты получать всегда приятно, но вот так... с порога...

— Спасибо, — отозвалась я, все-таки ей улыбнувшись, — ты тоже.

И ведь это чистая правда. Девчонке бы моделью подрабатывать, есть все данные. Такая запоминающаяся и яркая внешность.

— Спасибо! — весело отозвалась Варя. Потом переложила своего пса в одну руку, а вторую, освободившуюся, протянула мне. — Ой, что же это я? Варвара! Очень приятно познакомиться.

— Мне тоже, — ответила я на крепкое рукопожатие.

Варя так активно трясла мою руку, что я снова растерялась. Ясно одно — непосредственности этой особе не занимать.

— А это Харви, — представила Варя своего питомца, который притих у нее на руках. Только хвост по-прежнему приветливо двигался из стороны в сторону.

— Что это за порода? — скорее из вежливости спросила я. К собакам я относилась спокойно, без фанатизма.

— Вест-хайленд-уайт-терьер, — с гордостью ответила Варя. — А Харви я его назвала в честь Харви Спектра. Ты смотрела «Форс-мажоров»?

— Это фильм?

— Сериал.

— Не смотрю сериалы, — сказала я.

Варя посмотрела на меня как на умалишенную. Потом подошла к перилам и глянула вниз. У кого-то из соседей по-прежнему брэнчало фортепиано. Тогда Варя поморщилась.

— Ой, а что мы на площадке стоим? — спохватилась она. — Проходи в квартиру. Все тебе покажу.

— Красиво играет, — сказала я между делом, проходя в светлый коридор.

— Достал, если честно. Это Жора. Чокнутый один. У него в репертуаре пара мелодий, их и играет. Другие не умеет. Скоро тебе это тоже надоест.

Коридор оказался не только светлым, но и очень просторным. Высота потолков впечатляла. И я даже не ожидала, что внутри квартира Вари окажется такой современной. Думала, здесь будет что-то в духе «бабкиного ремонта» со старыми деревянными комодами, тусклым желтым освещением, коврами на стенах и старой лепниной. Но все оказалось совсем не

так. Видно, что к ремонту приложила руку молоденькая девушка. Я даже немного расстроилась. После нарядной парадной обстановка в квартире показалась мне неподходящей — слишком обычной. Возможно, разочарование отразилось на моем лице, потому как Варя сказала:

— Не беспокойся, старинные вещички здесь тоже есть.

Я удивилась: она будто мои мысли прочитала. Неужели я такая предсказуемая?

— Антикварный дубовый секретер, зеркало в позолоченной раме, фортепиано... Оно, наверное, бонусом здесь в каждую квартиру идет. Только я на нем играть не умею. Ты умеешь?

Я покачала головой.

— Хоть Жору зови, — мрачно пошутила Варя. — Я научилась играть «Собачий вальс», немножко «Лунную сонату» и Shape of My Heart Стинга. Из азов, так сказать. Практически как сосед снизу. Представляю, если мы как-нибудь баттл устроим с Жориком на музыкальных инструментах. Соседи нас, наверное, вместе с двумя роялями из окна выкинут.

Я сдержанно улыбнулась.

Варя, держа на руках Харви, продолжила:

— В квартире оставили старый паркет, кое-что из мебели, люстру, окна и даже печь. Я только трубы поменяла. И мебель свою перевезла из старой квартиры. Тут уж простите, что было.

Я молча слушала ее. Варя так завелась, будто я ее в чем-то обвиняла.

— А самое главное знаешь что?

— Что?

— Пойдем в мою комнату.

Варя наконец спустила Харви на пол, и пес, стуча когтями по паркету, первым направился в комнату, будто это его пригласили.

Я проследовала за Варей. Комната ее оказалась огромной и такой же светлой. Над окном висел серебристый диско-шар, пускающий по стенам солнечных зайчиков. На столе — куча бумаг, карандашей, выкроек и пара одинаковых фикусов. И одежда. Много одежды — в основном яркой, с блестящими пайетками. Горы шмоток отчетливо выделялись на фоне белых стен

и светлой мебели. Одежда лежала на стульях и на кровати, висела на напольных вешалках... Удивительно, но при этом у меня совсем не складывалось впечатление, что в комнате царит страшный бардак. Было чисто, не пыльно и очень уютно. Я так засмотрелась на многочисленные вещи, что даже не сразу заметила главное — то, из-за чего Варя пригласила меня в свою комнату. Отсюда можно было выйти сразу на крышу. Варя быстро распахнула старые створки и забралась с ногами на подоконник.

— Прошу! — прокричала она, первой выбираясь наружу. Я немного растерялась. Потом все-таки проследовала за Варей. Залезла на широкий подоконник и вышла следом за новоиспеченной соседкой. Скулящий Харви остался в квартире.

Жестяная крыша была нагрета утренним солнцем. Отсюда открывался вид на шумный суетящийся проспект и блестящие крыши. Внизу гудели машины и спешили прохожие. Варя осматривала город таким замороженным взглядом, будто это она, а не я, здесь впервые. Я, конечно, впечатлилась. В такой атмосфере даже говорить особо не хотелось. Но, видимо, молчание — не в репертуаре Варвары.

— Круто, правда? — быстро спросила она.

— Угу, — пробормотала я.

— Супер! Будем здесь ужины в хорошую погоду устраивать. Вино пить, светские беседы вести... Агния, как тебя здесь не хватало!

Последнюю фразу она произнесла так восторженно, что я удивленно подняла на нее глаза. Мы виделись впервые в жизни, и такое признание казалось мне неуместным. Но это мне — вечно настороженной и ожидающей от всех подвоха. Но Варя выражала свои эмоции вполне искренне. Тогда я не сдержалась и снова улыбнулась.

— Только у тебя не такая шикарная комната, прости, — с сожалением сказала Варя.

— Да ничего страшного, — немного смутилась я.

Ради собственного выхода на крышу я была готова ночевать в коридорчике рядом с Харви. Я, кстати, не заметила специального места для собаки. Скорее всего, пес жил в одной комнате со своей хозяйкой.